

с. 2-3.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Мужики“ А. Чехова „Русская Мысль“.

Въ апрѣльской книжкѣ „Русской Мысли“ напечатана повѣсть А. Чехова — „Мужики“. Среди со-тенъ беллетристическихъ произведеній, появившихся за послѣдніе годы на страницахъ толстыхъ журналовъ, она единственная въ своемъ родѣ. Чтобы познакомить читателей съ этимъ замѣчательнымъ по своей простотѣ, и затаенной любви къ ближнему произведеніемъ, я постараюсь изложить его возможно подробно, хотя, конечно, самая подробная передача не можетъ произвести и сотой доли впечатлѣнія, производимаго самимъ рассказомъ Чехова, который смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями Тургенева и Толстого.

У Николая Чекильдѣева, кр. д. Жукова (Холу-евка тожъ), служившаго официантомъ въ одномъ изъ столичныхъ ресторановъ, отнялись ноги, и онъ принужденъ былъ съ женой и дочерью возвратиться на родину. Грязь, грубость и безысходная нужда встрѣтили новопрібывшихъ въ родной деревнѣ, и увидявъ, какъ тѣсно было въ избѣ, гдѣ помѣщалось семеро взрослыхъ и девять человѣкъ дѣтей, и съ какой жадностью вернувшіеся съ поля ѣли хлѣбъ, размачивая его въ водѣ, Николай сразу понялъ, что напрасно они сюда пріѣхали; но дѣваться было некуда, и волей-неволей приходилось жить среди гру-бости и нечѣстнаго вѣдѣнія мужика и отвращеніе. Въ первый же день Кирьякъ, братъ Николая, запой-ный пьяница, билъ свою жену Марью; вскорости бабка (мать Николая) высѣкла его жадную кроткую дѣвочку Сашу. Питались однимъ хлѣбомъ, размачивая его въ водѣ, а въ праздникъ варили похлебку изъ селедочной головки.

Главнымъ командиромъ въ домѣ была бабка. Она вѣчно беспокоилась, какъ-бы кто не съѣлъ липняго куска, какъ-бы старикъ (Осипъ, отецъ Ни-колая) и не вѣстки не сидѣли безъ дѣла. Она по-стоянно была въ тревогѣ: то ей слышалось, что гуси трактирщика пробираются задами къ ея капуста-мъ, тощей и дряблой, какъ она сама; то ей казалось, что ворона подбирается къ цыплятамъ, и она съ бранью бросалась туда и сюда. Сердилась она съ утра до вечера и часто подымала такой крикъ, что на улицѣ останавливались прохожіе. Она съкла-внучать за упущеніе по хозяйству, и они въ от-местку ей подливали нѣсколько капель молока въ тѣло изъ хлѣбныхъ корокъ, которой она питалась, чтобы бабка оскорбилась и вѣрнѣе угодила въ адъ. Бабка вѣрила какъ-то тускло. Все переѣмша-лось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ въ голо-ву лезли мысли о послѣдней мѣркѣ муки, о боль-ной коровѣ и проч. Молила она не знала, и стоя передъ образомъ, только шептала: „Казанской Вожьей Матери, Смоленской Вожьей Матери, Троицкой Вожьей Матери“. Своего мужа бабка держала стро-го. Осипъ былъ неосновательный и ненадежный му-жикъ. Бабка обзывала его лежебокой и холерой, и если-бы она не понукала его постоянно, онъ не ра-боталъ бы вовсе, а только сидѣлъ бы на печи, да разговаривалъ. Онъ подолгу рассказывалъ сыну про какихъ-то своихъ враговъ, про обиды, которыя онъ терпѣлъ, и было скучно его слушать... Да, — расска-зывалъ онъ, — да... послѣ Воздвиженія черезъ недѣ-лю продалъ я сѣно по 30 коп. пудъ, добровольно, да... Хорошо. Только это значить, везу я утромъ сѣно, добровольно, никого не трогаю, въ недобрый часъ, гляжу, выходитъ изъ трактира староста — Ан-типъ Съдельниковъ: „Куда везешь сѣно-такой? и меня по уху... Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому-что почти никогда не думалъ о немъ. Онъ призна-валъ сверхъестественное, но полагалъ, что это каса-ется однихъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой ни-

будь вопросъ, онъ говорилъ нехотя, почесываясь: „А кто-жъ его знаетъ“! При всякой возможности онъ наровиль напиться и выпивши распѣвалъ чувствительные романсы вродѣ „Люблю и цвѣты полевые“...

Марья и Ѳекла, невѣстки Николая, были крайне неразвиты и ничего не понимали. Онѣ никогда не были даже въ своемъ уѣздномъ городѣ, не знали никакихъ молитвъ, не знали даже „Отче нашъ“. Обѣ не любили своихъ мужей. Марья боялась Кирьяка, и когда онъ оставался съ ней, она тряслась отъ страха и возлѣ него каждый разъ угорала, такъ какъ отъ него сильно пахло водкой и табакомъ. А Ѳекла на вопросъ: не скучно ли ей безъ мужа, котораго взяли въ солдаты, отвѣчала съ досадою: А пу его! Она ходила на работу въ ближнюю экономію и тамъ путалась съ рабочими, которые разъ раздѣли ее до ноги и въ такомъ видѣ пустили домой. Ѳеклѣ были не въ вкусу и нечистота и бѣдность и неутоимая брань. Она ѣла, что давали, спала, гдѣ и на чемъ придется, помой выливала у самаго крыльца: выплеснуть съ порога, да еще пройдетъ по лужѣ босыми ногами. Она возненавидѣла Ольгу и Николая за то, что они, сравнительно интеллигентные и порядочные, были непохожи на нее, и изводила ихъ попреками и руганью. И всѣ кругомъ были также невѣжественны и грубы. Дѣтей не учили ничему, никто не говорилъ ни о Богѣ, не внушалъ никакихъ правилъ, не учили молиться и только запрещали въ постѣ ѣсть скромное. И въ то же время всѣ любили священное писаніе, любили пѣбно, благоговѣнно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять. Приходская церковь была за семь верстъ, и туда ходили рѣдко, только по крайней нуждѣ, въ Жуково же священникъ пріѣзжалъ только „съ крестомъ“ и на Пасхѣ собиралъ по 15 коп. со всѣхъ неговѣвшихъ великимъ постомъ. Смерти боялись только богатые мужики, которые чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души. Мужики же по-бѣднѣе не боялись смерти. Старикъ и бабкѣ говорили прямо

въ глаза, что имъ пора умирать, и они ничего. Не стѣсняясь говорили Ѳеклѣ въ присутствіи Николая, что когда Николай умретъ, то ея мужъ Денису (солдату) выйдетъ льгота—вернуть со службы домой. А Марья не только не боялась смерти, но даже жалѣла, что она такъ долго не приходитъ, и бывала рада, когда у нея умирали дѣти. Скучно текла жизнь въ Жуковѣ; въ разсказѣ нѣтъ никакихъ драматическихъ эпизодовъ, все самое обыденное, заурядное. Вечеромъ гончаръ на обрывѣ жегъ горшки. Внизу на лугу дѣвушки водили хороводъ. Играли на гармоникѣ. На зарѣчной сторонѣ тоже горѣла одна печь, и пѣли дѣвушки, и издали это пѣніе казалось стройнымъ и нѣжнымъ. Въ трактирѣ и около шумѣли мужики: они пѣли пьяными голосами и бранились такъ, что Ольга (жена Николая) только вздрагивала и говорила:—„Ахъ, батюшки!“! Ее удивляло, что брань слышалась непрерывно, и что громче и дольше всѣхъ бранились старики, которымъ пора уже умирать... На другой день было воскресенье. народъ шелъ въ церковь, на зеленыхъ кустахъ, которые смотрѣли въ воду, сверкала роса. Повѣяло теплотой, стало отрадно... И, вѣроятно, какъ была бы прекрасна жизнь на этомъ свѣтѣ, если-бъ не нужда, ужасная, безысходная нужда, отъ которой никуда не спрячешься! Стояло только теперь оглянуться на деревню, какъ живо вспоминались всѣ жизненные маята, и очарованіе счастья, которое чудилось кругомъ, исчезало въ одно мгновеніе... На деревнѣ вспыхнулъ пожаръ. Тѣ самые мужики, которые только что гуляли въ трактирѣ, тащили на себѣ пожарную машину. Всѣ они были пьяны, спотыкались и падали.—Дѣвки воды! кричали староста, тоже пьяный.—Молодцы! Антипы! слышались одобрительные голоса. Мужики стояли толпой возлѣ, ничего не дѣлая, и смотрѣли на огонь. Никто не зналъ, за что приняться, никто не умѣлъ ничего дѣлать, а кругомъ были стога хлѣба, сѣна, сарай, кучи сухаго хвороста. А когда изъ ближайшей усадьбы пріѣхалъ баринъ съ рабочими, привезли пожарную машину и потушили пожаръ, то тѣ-же мужики

просили съ него на чай.

Въ длинныя осенніе вечера въ избѣ мотали шелкъ, который брали съ ближайшей фабрики, и вся семья вырабатывала на немъ копѣекъ 20 въ недѣлю. Въ такіе вечера Осипъ иногда рассказывалъ о старинѣ; какъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живетъ такъ скучно и бѣдно, охотились съ гончими, съ борзыми, и во время облавъ мужиковъ поили водкой; какъ злыхъ наказывали розгами, а добрыхъ награждали. — При господахъ лучше было, говорилъ старикъ, мотая шелкъ. И работаешь, и ѣшь, и спишь. — все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша, въ ужинъ тоже щи и каша; огурцовъ и капусты было вволю — ѣшь добровольно, сколько душа проситъ; и строгости было больше — всякій себя помнилъ.

Въ Жуковѣ было 40 дворовъ, но недоимки земской и казенной накопились больше двухъ тысячъ. Пріѣхалъ становой собирать недоимки. Потребовали *Осипа*.

— За нѣ, ваше скородіе, 119 рублей, — сказалъ староста. — Передъ святой далъ рубль, такъ съ того времени ни копѣйки. Приставъ поднялъ глаза на Осипа. — Почему же это, братецъ? — Явите божескую милость. Дозвольте сказать: какъ послѣ Воздвиженія черезъ недѣлю продалъ я сѣно, добровольно... и онъ опять повторилъ изложенный выше рассказъ. не имѣющій никакого отношенія къ дѣлу. Его прогнали и въ концѣ концовъ отобрали за недоимки сажоваръ. Безъ сажовара въ избѣ Чекильдѣевыхъ стало совсѣмъ скучно. Марья плакала, дѣти тоже. Бабушка кричала, что во всемъ виноватъ Николай. Бабушка любила Николая, но тутъ не выдержала и набросилась на него съ попреками, тыча кулаки подъ самое лицо: Почему онъ присылалъ такъ мало, когда самъ хвалился, что получалъ по 50 рублей въ мѣсяцъ? Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ, да еще съ семьей? Если умреть, то на какія деньги его хоронить? И было жалко смотрѣть на Николая, Ольгу и Сашу. Николай прижимался къ Ольгѣ точно ища у ней защиты и говорилъ ей тихо, дрожащимъ голосомъ:

„Оля, милая, не могу я больше тутъ, силы моей нѣтъ. Ради Бога, ради Христа небеснаго, напиши ты своей сестрицѣ Клавдіи Абрамовнѣ, пусть продастъ и закладываетъ все, что есть у нея, пусть высылаетъ деньги, — мы уѣдемъ отсюда. О, Господи! продолжалъ онъ съ тоской, хотя-бъ однимъ глазкомъ на Москву взглянуть, хотя-бъ приснилась она мнѣ, матушка. Старикъ, чувствуя себя виноватымъ, пошелъ къ старостѣ просить, чтобы тотъ отдалъ сажоваръ, но староста, любившій выражаться витіева-то, категорически заявилъ ему: Отъ земскаго начальника все зависящее. Въ административномъ заведеніи двадцать шестого числа можешь заявить поводъ къ своему неудовольствію словесно или на бумагѣ. Осипъ ничего не понималъ, но удовлетворился этимъ и пошелъ домой.

Какъ то въ праздникъ сосѣди зашли къ Осипу передъ вечеромъ потолковать. Были кое-какія новости, довольно непріятныя: такъ въ двухъ-трехъ домахъ забрали за недоимку куръ, отправили ихъ въ волостное правленіе, и онѣ тамъ поколѣли, т. е. ихъ никто не кормилъ. Забрали овецъ и пока ихъ везли связанныхъ — одна издохла; и теперь рѣшали вопросъ: кто виноватъ? — Земство, гсворилъ Осипъ, кто-жъ? — Известно земство! Земство обвиняли во всемъ — и въ недоимкахъ, и въ притѣсненіяхъ и въ неурожаяхъ, хотя ни одинъ не зналъ, что значить земство. Это пошло съ тѣхъ поръ, какъ богатые мужики, побывавъ въ гласныхъ, остались недовольны земствомъ и стали бранить его. Поговорили о томъ, что Богъ не даетъ сѣнга, а надо дрова возить. Прежде лѣтъ двадцать назадъ, разговоры въ Жуковѣ были гораздо интереснѣе. Тогда у каждаго старика былъ такой видъ, какъ будто онъ хранилъ какую-то тайну, что-то зналъ и чего-то ждетъ. Говорили о грамотѣ съ золотой печатью, о раздѣлахъ, о ковыхъ земляхъ, намекали на что-то. Теперь же у жуковцевъ не было никакихъ тайнъ, вся ихъ жизнь была какъ на ладони, у всѣхъ на виду, и могли они говорить только о нуждѣ, о кормахъ, о томъ, что нѣтъ сѣнга... Помолчали и опять вспомнили про куръ и овецъ и

стали рѣшать, кто виноватъ.—Земство, проговорилъ уныло Осипъ, кто-жъ....

То, что происходило въ деревнѣ, казалось Ольгѣ отвратительнымъ и мучило ее. На Ильи пили, на Успенье пили, на Воздвиженіе пили; на Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, а потому пили три дня; пропили пятьдесятъ рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чекильдѣвыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли по, многу и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобъ ѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно. Вирочемъ и въ Жуковѣ, въ этой Холуевкѣ, происходило разъ настоящее религиозное торжество. Принесли изъ за рѣки Живоносную (чудотворную икону); громадная толпа своихъ и чужихъ загрозила улицу. И старикъ и бабка и Кирьякъ—все протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача:—Заступница, матушка, заступница. Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между небомъ и землею не пусто, что есть еше защита отъ обидъ, отъ тяжелой невыносимой нужды, отъ страшной водки.—Заступница, матушка—рыдала Марья—матушка! Но отслужили молебень, унесли икону, и все пошло по старому и опять послышались изъ трактира грубые пьяные голоса.

Николаю не становилось лучше. Бабка возила его къ доктору, тотъ далъ какихъ-то порошковъ, но они не помогали. Тогда бабка, по рекомендаціи дьячка, выписала изъ города отставного военнаго фельдшера, который поставилъ больному двѣ дюжины кровавыхъ банокъ, и онъ безъ всякаго труда померъ къ утру, а его жена съ дочкой пошли, побираясь Христовыхъ именемъ, въ Москву искать мѣста.

На нѣсколькихъ страницахъ развертывается предъ читателемъ законченная картина жизни забытой Богомъ деревушки, проходитъ вереница людей не-

вѣжественныхъ, грубыхъ, черствыхъ сердецъ, съ чуть мерцающей искрой человѣческаго достоинства. Но нужно имѣть самому черствое сердце, чтобъ почувствовать къ этимъ людямъ что нибудь, крошѣ глубокой жалости и состраданья. Въдѣ потребность въ счастіи и познѣи живетъ и въ самой грубой душѣ, всякая ступень человѣческаго развитія имѣетъ свой идеалъ лучшей жизни, и только неувыдающая надежда, что это счастье когда нибудь придетъ, этотъ идеалъ когда нибудь осуществится, привязываетъ къ жизни большинство людей. Какъ велика эта жажда чего-то возвышеннаго, уносящаго за предѣлы обыденной прозы, показываетъ то умиленіе, съ которымъ эти мужики слушаютъ священное писаніе, котораго не понимаютъ, тотъ энтузіазмъ съ которымъ они встрѣчаютъ „Живоносную“.

Читаешь этотъ чудный разсказъ, въ которомъ такъ мало словъ и такое богатство содержанія, въ которомъ за объективной формой изложенія скрыта безнадежно-скорбная душа писателя-гражданина, и сердце сжимаетъ щемящая жалость къ этимъ грубымъ людямъ.

Ничего ужаснаго, ничего раздражающаго нѣтъ въ разсказѣ Чехова, нѣтъ ни убійства, ни исключительнаго звѣрства; не описано никакого стилинаго бѣдствія-голода или мора; представлена только сѣрая обыденная жизнь, но описаніе этой жизни полно тоски и въ этомъ весь ужасъ: убійства и изувѣрства случаются рѣдко, голодъ и моръ проходятъ, а тотъ яракъ, тоска и унынье, которые висятъ надъ безчисленными весями земли русской, останутся вѣчно... Только одно просвѣщеніе, широкое истинное просвѣщеніе, могло-бы разогнать этотъ яракъ, развѣять эту тоску. Но когда придетъ оно, дождутся ли его правнуки нашихъ дѣтей.

В. Дадоновъ.